

УДК 02–051+929Дерман

Михаил Николаевич Глазков

Московский государственный институт культуры, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, доктор педагогических наук, Россия, Москва, e-mail: mguci@mail.ru

Г.К. Дерман: страницы биографии

Аннотация. В статье исследуется биография видного представителя советской библиотечной сферы Г.К.Дерман (1882–1954). Показана её профессиональная деятельность как в эмиграции, так и в СССР. Подробно раскрыты мотивы её ареста и осуждения.

Ключевые слова: Г.К. Дерман; биография; история библиотечно-библиографической деятельности.

Mikhail Nikolaevich Glazkov

Moscow State Institute of Culture, professor of the department of library and information sciences, doctor of pedagogical sciences, Russia, Moscow, e-mail: mguci@mail.ru

G. K. Derman: pages of her biography

Abstract. The author investigated the biography of G.K. Derman – prominent representative of Soviet library area (1882–1954). Her professional activity in emigration and in the USSR is showed. Motives of her arrest and condemnation are disclosed.

Keywords: G.K. Derman; biography; history of library and bibliographic activity.

О Генриетте Карловне Дерман — видном советском библиотечном деятеле — написано немало статей, особенно начиная с 1990-х гг. [1–5]. В целом они носят апологетический характер. Данное исследование — критико-аналитическое. Мы акцентируем внимание на обстоятельствах биографии Г.К. Дерман, которые до сих пор остаются малоизученными и спорными и требуют беспристрастного и подробного освещения.

Генриетта родилась 21 августа 1882 г. в городе Риге Лифляндской губернии Российской империи в семье плотогона Карла Абеле. Возможно, её отец был не пролетарием, как принято считать, а представителем мелкобуржуазной среды. Во всяком случае, у него нашлись деньги на учёбу

М. Н. Глазков

дочери как в Риге, так и в Москве. В 1899 г. она окончила рижскую Ломоносовскую женскую гимназию. С гимназических лет увлеклась революционными идеями, что закономерно привело её в 1900 г. в члены Латышской социал-демократической рабочей организации, прямо связанной с Российской социал-демократической рабочей партией

(РСДРП).

В 1905 г. (по другим сведениям — в 1903 г.) Генриетта Абеле оканчивает Высшие женские педагогические курсы в Москве. Во время учёбы активно участвует в студенческих кружках, вместе с Н.Э. Бауманом работает в нелегальной типографии. Очевидно, именно в этот период Г.К. Абеле получила навыки конспирации и владения оружием.

По поручению большевистской партии в 1905 г. Генриетта Карловна отправ-

ляется в Западную Европу. О целях её задания остаётся лишь догадываться. В октябре 1905 г. в Брюсселе она становится супругой Вилиса Вилисовича Дерманиса (Дермана), тоже социал-демократа.

Судя по всему, Г. К. Дерман успешно выполняла партийные поручения: в 1910 г. избирается в члены Центрального комитета Латышской СДРП, работает в Рижской партийной организации, специализируется на женском движении.

Её активность не осталась незамеченной государственными органами. В 1911 г. её вместе с мужем арестовывают и помещают в Рижский централ. Вилиса Вилисовича приговаривают к четырём годам каторжных работ. Генриетту Карловну царский суд освобождает в связи с недоказанностью вины. Однако она сама следует за мужем в Иркутскую губернию после замены последнему каторги ссылкой в 1912 г. Фактически содержание семьи ложится на её плечи. Как вспоминали местные революционеры, Г. К. Дерман зарабатывала 25 руб. в месяц преподаванием немецкого и французского языков. Вилис Вилисович занимался написанием обширных политико-публицистических произведений.

В 1914 г. Генриетте Карловне удалось организовать мужу побег. Через Петербург и Выборг они перебираются в Германию. Однако в августе 1914 г. начинается Первая мировая война и их арестовывают как подданных Российской империи. Любопытно, что Г. К. Дерман содержалась в одной камере с известной социал-демократкой А. М. Коллонтай. Но германские спецслужбы быстро разобрались, что Дерманы — их союзники в борьбе с «прогнившим царизмом». Супругов освободили и помогли им выехать в нейтральную Швецию, откуда они перебрались в Северо-Американские Соединенные Штаты. Здесь Генриетта Карловна, как и многие политэмигранты из России, продолжает революционную работу, даже вступает в американскую коммунистическую партию в 1919 г. Отметим трагическое событие в её семейной жизни: через несколько

Г. К. Дерман

дней после рождения умирает дочь Дерманов (1918 г.).

В американской эмиграции Генриетта Карловна находит профессию, с которой будет связана её дальнейшая судьба. В 1917 г. она оканчивает библиотечное отделение Симмонс-колледжа в Бостоне, её приглашают на должность библиотекаря Гарвардского университета, затем в том же году — в Библиотеку Конгресса в Вашингтоне.

Важной причиной получения работы в ведущей американской библиотеке стало знание Генриеттой Карловной семи языков. Здесь ей поручили разбор, библиографирование и классификацию знаменитой книжной коллекции русского купца и библиофила Г. В. Юдина (1840–1912), вывезенной из России в 1907 г. Вскоре Генриетта Карловна становится заведующей Славянским отделом Библиотеки Конгресса, начинает переводить американские профильные учебники на русский

язык [2, с. 159]. Её коллега, заведующий отделом каталогизации Ч. Мартел, в письме директору Симмонс-колледжа Дж. Донелли так отозвался о ней: «С ее возможностями, врожденными способностями — гениальными! — и с замечательным образованием... она добьется успеха, где бы то ни было в библиотечной сфере. В Библиотеке Конгресса она проделала замечательную работу по каталогизации и классификации русской коллекции, сделала все необходимое, чтобы огромное количество хранящихся в беспорядке необработанных книг превратилось в настоящую библиотечную коллекцию» [6, с. 90]. В отчёте Библиотеки за 1920–1921 гг. отмечен «необыкновенный профессионализм» Г.К. Дерман, а её уход в мае 1921 г. оценивается как «серьезная потеря для библиотеки» [6, с. 91].

Мы со своей стороны должны отметить увлечённость Генриетты Карловны американскими идеями и подходами к библиотечно-библиографической теории и практике. Конечно, библиотечное дело США было одним из передовых в мире. Однако позднее, в 1930-е гг., американский профессиональный менталитет и опыт Г.К. Дерман будут иметь для неё негативные последствия.

В 1921 г. В.В. Дерман уезжает в независимую Латвийскую республику. Спустя некоторое время Генриетта Карловна следует за мужем, причём едет через Советскую Россию. Но Латвия оказалась недружелюбна к Дерманам. Их арестовывают за прокоммунистическую деятельность. В августе 1922 г. Генриетта Карловна снова оказывается в Центральной тюрьме Риги. Только в конце декабря 1922 г. в рамках обмена политзаключенными супругов высылают в Москву.

Г.К. Дерман оказалась востребована по линии Коммунистического интернационала: пригодились её знания европейских языков. Генриетта Карловна участвует в подготовке и отправке иностранным товарищам литературы просоветского содержания, а также переводит и анализи-

рует поступающие издания из-за границы. По рекомендации Латышской секции Коминтерна в 1923 г. обоих Дерманов принимают во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков ВКП(б).

В том же году Генриетту Карловну назначают директором Научной фундаментальной библиотеки Социалистической академии (с 1924 г. — Коммунистической академии). Г.К. Дерман входит в команду председателя Главного политико-просветительного комитета РСФСР Н.К. Крупской, выполняет партийные поручения. Так, на I Всероссийском библиотечном съезде 1924 г. руководит секцией научных библиотек, участвует в преобразовании библиотеки Московского университета, используя свой опыт работы в Гарвардском университете, в 1925–1930 гг. является председателем библиотечной комиссии Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса.

В июне 1929 г. Г.К. Дерман выезжает в командировку в Италию на Первый Международный библиотечный конгресс, что свидетельствует об особом статусе Генриетты Карловны (в те годы зарубежный вояж был чрезвычайной редкостью, он не мог состояться без одобрения органов госбезопасности).

В 1930 г. происходит важнейшее событие в жизни Генриетты Карловны. После непростых дискуссий, упиравшихся, прежде всего, в нехватку материальных ресурсов, Совет народных комиссаров 10 июля издал постановление о создании Московского библиотечного института (МБИ). По согласованию с наркомом просвещения А.С. Бубновым и его заместителем Н.К. Крупской Генриетта Карловна Дерман назначается директором первого библиотечного вуза в стране.

Оценивая её деятельность на данном посту, отметим ряд конструктивных мероприятий, осуществлённых с её помощью в институте. В 1930 г. здесь организуется подготовительное отделение для абитуриентов со стажем библиотечной работы, а на следующий год — вечернее отделение.

В 1936 г. создаются отделение научно-исследовательской работы и аспирантура. Первые кандидатские диссертации были защищены в МБИ в 1938 г., уже после ареста Г.К. Дерман. Основной же поток успешных диссертационных защит пришёл на 1940–1941 гг. [7]. С 1937 г. в институте функционировало заочное отделение. В 1940 г. за большие заслуги в подготовке библиотечных кадров и подъёме отрасли в целом вуз переименовывается в Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова (второго лица в СССР).

Развитие МГБИ являлось составной частью общего процесса. Советский Союз 1930-х гг. стремительно укреплялся по всем направлениям. Успешно шла ликвидация безграмотности: в 1928 г. умеющих читать и писать было 58,4%, а в 1932 г. — уже 90% [8, с. 33]. В 1930 г. в нашей стране было введено всеобщее начальное образование, а к концу десятилетия были созданы условия для введения всеобщего бесплатного среднего образования, что и утвердил XVIII съезд ВКП(б) в марте 1939 г. [9, с. 278; 10, с. 175].

Значительно вырос контингент учащихся советских учебных заведений. К началу 1930-х гг. число школьников превысило дореволюционный уровень в 1,7 раза, составив в 1929/30 учеб. г. 13515,6 тыс. человек. А в 1938/39 учеб. г. их стало уже в 4 раза больше: 31517,3 тыс. [11, с. 37].

Аналогичным было положение с высшим образованием. Причём рост оказался ещё более ощутимым. Так, если в императорской России в 1914/15 г. было по разным оценкам 112–127,4 тыс. студентов, в 1929/30 г. этот показатель составил 204,2 тыс., а в 1939/40 г. уже 619,9 тыс. Контингент учащихся вузов вырос минимум в 4,9 раза [12, с. 254–255; 11, с. 79].

Большой резонанс имела отмена в декабре 1935 г. ограничений на поступление в вузы по социальному признаку. Теперь дети бывших дворян, капиталистов, священнослужителей и др. могли получать

высшее образование наравне с детьми рабочих и крестьян. Ставшие общенародными по составу массы студенчества повсеместно вливались в библиотеки, являясь наиболее активными их читателями.

Заметно повышалась квалификация рабочих, что дало стране конкурентные преимущества в экономике и «оборонке». Рост такого важного показателя, как производительность труда в индустриальных отраслях, составил в 1941 г. рекордные 343% к уровню 1928 г. [14, с. 26]. К концу 1930-х гг. в Советском Союзе насчитывалось более 20 млн дипломированных специалистов по сравнению с 1,5 млн в 1917-м. В итоге СССР накануне войны вышел на первое место в Европе и на второе в мире по совокупному объёму промышленного производства, причём по темпам роста экономики мы опережали всех [15, с. 17–18; 16]. Страна достигла полной экономической и продовольственной независимости от иностранных держав.

Эти выдающиеся достижения опирались на подъём образованности, культуры, сознательности народа. Фундаментом данного подъёма являлись библиотеки — исторически испытанные центры самообразования и просвещения. Власти и общество вольно и невольно уделяли серьёзное внимание развитию библиотечной сферы. Расходы на народное просвещение в РСФСР в 1937 г. выросли в сравнении с 1928–1929 гг. в 12,9 раза [17, с. 22]. Московский библиотечный институт стабильно укреплялся независимо от субъективных, личностных факторов. Это была объективная потребность для советского государства [18].

Г.К. Дерман как директор МБИ пыталась применять американские библиотечковедческие и библиографоведческие подходы. Именно библиотечное дело США Генриетта Карловна, судя по всему, считала самым передовым. Однако её действия по переносу американских профессиональных стандартов на отечественную почву вызывали негативную реакцию с двух сторон.

Первая сторона — руководство Наркомпроса и некоторые партийно-идеологические бонзы «ленинского призыва», которым не нравились недостаточная идеологизация в программе преподавания дисциплин вуза, компромиссы в критике «буржуазного» библиотечного дела и т. д. Известна, например, негативная оценка Н. К. Крупской части образовательной программы МБИ [19, с. 107–108]. До поры до времени это недовольство не имело чувствительных последствий для Г. К. Дерман, но в решающий момент о нём вспомнили.

Вторая сторона — немногие сохранившиеся тогда «старые дореволюционные специалисты», понимавшие принципиальные отличия между положением библиотек в Советской России и в США. Согласно их представлениям, перенос американского опыта в специфичную отечественную жизнь без серьёзной адаптации ни к чему хорошему привести не мог. В 1930-х гг. данную точку зрения во многом стало разделять и поколение комсомольцев, пришедшее в библиотечную сферу и искренне убеждённое в преимуществах социалистического строя и советского библиотечного дела. Они только выдвигались на руководящие должности на низовом и среднем уровне, но с каждым годом предвоенного десятилетия все больше представляли с собой считаться.

В 1934 г. в жизни Г. К. Дерман произошло, на наш взгляд, событие весьма многозначительное: она лишается должности директора Библиотеки Коммунистической академии ЦИК СССР. Учитывая, что куратором данной библиотеки являлся Коминтерн при поддержке ОГПУ/НКВД, уход Г. К. Дерман мог означать если не утрату, то снижение к ней доверия со стороны влиятельных структур.

В рассматриваемый период типичной ситуацией было одновременное исполнение партийцами нескольких служебных обязанностей и должностей. Поэтому нельзя утверждать, что Генриетта Карловна в 1934 г. ушла из Библиотеки Комакаде-

мии, чтобы сосредоточиться только на руководстве библиотечным вузом. Кроме того, типичным было и постепенное понижение статуса того или иного лица в ходе перепроверки поступающих на него компрометирующих сведений. Классическим примером стал сам нарком НКВД Н. И. Ежов. Сначала его сняли с поста «вершителя судеб» 25 ноября 1938 г., оставив на руководстве второстепенным Наркоматом водного транспорта, и только затем бывший «железный нарком» был арестован (10 апреля 1939 г.).

Ещё одним малоизученным обстоятельством стало участие Генриетты Карловны в организации общероссийского Совещания по вопросам библиотековедения и библиографии, прошедшего в Москве 16–27 декабря 1936 г. Г. К. Дерман входила в состав Оргбюро данного форума. Он задумывался руководством Наркомпроса как очень значимое событие в советской библиотечной жизни. Однако достичь запланированных целей, судя по всему, не удалось. Организаторов, в частности, начальника Библиотечного управления В. Г. Кирова, обвинили в том, что «совещание по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии было по существу провалено, а представленные этому совещанию доклады и тезисы оказались с большими ошибками, на низком уровне, а часть из них просто халтурными...» [20, с. 259–260]. В 1930-е гг. неудовлетворительное выполнение государственной задачи, сопряжённое с потраченными государственными средствами, могли объявить саботажем и «подрывом социалистического библиотечного строительства» с вытекающими для виновных последствиями. Так или иначе, в послужном списке Г. К. Дерман появилось ещё одно компрометирующее пятно.

В разгар «ежовщины» Г. К. Дерман оказалась под ударом с разных сторон.

Во-первых, её обвинили как члена антисоветской латышской организации. В 1937 г. прошли аресты видных большевиков-латышей. В апреле за решётку попал

бывший комендант Кремля Р. А. Петерсон (расстрелян 21 августа), в мае арестованы член ЦК ВКП(б) Ян Рудзутак и его брат Вольдемар, в июле — председатель латышского общества «Прометей» Карл Данишевский. В декабре был закрыт Центральный латышский клуб в Москве. В январе 1938 г. снят с поста начальник Московского управления НКВД С. Ф. Реденс (арестован в ноябре 1938 г.). Как писали советские газеты, было «ликвидировано националистическое гнездо шпионства и вредительства». Высокопоставленных латышей обвиняли в связях со спецслужбами буржуазной Латвии и стоявших за ней фашистских и демократических держав. Надо сказать, что Латвия действительно проводила в те годы враждебную политику в отношении СССР, участвовала в антисоветских провокациях, регулярно запускаемых и раскручиваемых Германией, Великобританией, Швецией, Польшей, Финляндией и другими странами. Кроме того, историческая объективность заставляет помнить роль большевиков-латышей в карательных акциях, проводимых в годы Гражданской войны и позднее. Латышские стрелки и чекисты считались едва ли не самой надёжной опорой тоталитарного режима, в структурах ВЧК — ОГПУ — НКВД существовала их обширная диаспора. Поэтому многие в Советской России восприняли репрессии 1937–1938 гг. против латышских лидеров как справедливое возмездие.

Во-вторых, важным мотивом «закрытия» Г. К. Дерман могли стать её родственные связи с арестованными лицами. В 1937 г. оказался в заключении её муж, «красный профессор» Вилис Вилисович Дерман (расстрелян в 1938 г.). Тогда же был арестован и расстрелян её племянник Николай Ванаг. Аналогичная судьба постигла Алексея Леонова — мужа одной из племянниц Генриетты Карловны. В подобных обстоятельствах «органы» тщательно проверяли ближний круг арестованных, особенно если члены этого круга занимали руководящие должности.

Третьим мотивом, по которому обвинялась Г. К. Дерман, стала её увлечённость «буржуазным» американским опытом. Это касалось ключевых вопросов библиотечно-библиографического образования, науки и практики. В частности, она ратовала за приоритетный статус предметного, а не алфавитного каталога в библиотеках. После ареста Генриетты Карловны её американизированные нововведения в МБИ стали изживаться как «вредительское подражание иностранщине».

Революционная эпоха имеет объективные закономерности, неизбежно предусматривающие и репрессии. Научные дискуссии подчас разрешались с привлечением «экспертов» из самых компетентных органов. Не следует удивляться, что Генриетту Карловну в результате обвинили в уголовном преступлении.

Кураторов с Лубянки беспокоили также регулярные контакты Г. К. Дерман с иностранными гражданами — библиотечными специалистами, её знакомцами по европейской и американской эмиграции и Коминтерну, изменившими своё отношение к советской международной и внутренней политике.

Наконец, четвёртым ключевым мотивом ареста Г. К. Дерман оказалось её пересечение с «групповым делом библиотечных работников». В 1937–1938 гг. НКВД вёл интенсивную разработку по фактам антисоветской, вредительской, террористической деятельности представителей библиотечной отрасли. Среди фигурантов «группового дела» оказались начальник Библиотечного управления Наркомпроса В. Г. Киров, бывший директор Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина М. М. Добраницкий, другие библиотечные руководители разного уровня [21; 22].

Надо сказать, что эта линия в биографии Г. К. Дерман самая тёмная и малоизученная. Документы по «групповому делу библиотечных работников» до сих пор недоступны историкам. Помимо прочего, фигуранты обвинялись в подготовке террористических актов. За несколько меся-

цев до ареста Генриетты Карловны приговор по статье о терроризме получил бывший директор Государственной библиотеки им. В.И. Ленина В.И. Невский (расстрелян 26 мая 1937 г.) [21, с. 50]. В НКВД поступали «сигналы», в том числе из серьёзных агентурных источников, о возможных попытках покушений на высших советских лидеров, включая И.В. Сталина. Чекисты предпочитали перестраховываться, реагируя даже на сомнительные, непроверенные донесения [23].

В то же время, если основываться на современных научных исследованиях, в частности, д-ра ист. наук Ю.Н. Жукова [24; 25], и рассекреченных архивных документах, с которыми нам удалось познакомиться, версия о существовании террористической группы среди библиотечных работников, недовольных сталинским режимом, представляется вероятной. В 1930-е гг. среди них были лица с опытом дореволюционной конспиративной борьбы, работы на территориях, занятых «белыми властями» в годы Гражданской войны. Это были решительные люди, не сломленные царскими репрессиями и «белым» террором, умевшие владеть оружием. У них имелся доступ к советским бонзам, так как ряд библиотек функционировал при высших органах власти. Например, библиотека Центрального исполнительного комитета СССР располагалась непосредственно в Кремле. Именно там, по нашим данным, произошло неудачное покушение на И.В. Сталина в январе 1935 г. [26]. Показательным «совпадением» стал арест Г.К. Дерман в один день с комендантом Московского Кремля комдивом П.П. Ткалуном (8 января 1938 г.).

К сожалению, закрытость архивных фондов ФСБ не позволяет документаль-

но подтвердить или опровергнуть выдвигаемые версии.

По данным специалиста, работавшего с архивами МБИ — МГБИ и имевшего связи с обществом «Мемориал», Г.К. Дерман не выдержала следственных мероприятий и начала инициативно «разоблачать» разных лиц. На данный момент документально это не подтверждено, можно только сказать: немногие люди способны были не сломаться в подобных тяжких обстоятельствах. Но напрашивается вопрос: какие страшные тайны из архивов ФСБ 85-летней давности необходимо до сих пор скрывать от народа?!

8 мая 1939 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха приговорила Г.К. Дерман по статье 58, пункты 4, 11, 8 (т. е. включавшие террористическую деятельность) к 15 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в гражданских правах. По прибытии в Воркутинский лагерь Генриетта Карловна в специальных внутренних указаниях НКВД характеризовалась как «террористка, троцкистка-националистка, член антисоветской латышской организации, член диверсионной вредительской организации, распространяла контрреволюционную литературу...» [2, с. 157].

Г.К. Дерман довелось отсидеть полный срок. Перед самым его окончанием с ней случился удар, она не могла говорить. Фактическое освобождение задержалось более чем на 40 дней и состоялось 19 февраля 1953 г. Её перевезли в городскую больницу Воркуты, поместили в отдельную палату, но с больничной койки она уже не встала. 18 января 1954 г. — дата смерти Г.К. Дерман [2, с. 172]. В период правления Н.С. Хрущёва она была реабилитирована Верховным судом СССР 22 октября 1955 г.

Библиографический список

1. Г.К. Дерман — первый директор Московского библиотечного института. Статьи и воспоминания. М. : МГУК, 1994. 151 с.
2. Маркова Е.В. Трагическая судьба первого директора Московского библиотечного института // Из истории московских библиотек. 1999. Вып. 3. М. : Рус. путь, 1999. С. 155–181.
3. Черный Ю.Ю. Генриетта Дерман — директор библиотеки Комакадемии // Биб-

- лиотечное дело. 2007. № 14. С. 29–32.
4. Лютер А. И., Соков П. С. Знать и помнить: (К 110-летию со дня рождения Г. К. Дерман) // Библиография. 1993. № 1. С. 106–112.
5. Фокеев В. А. Дерман Генриетта Карловна // Библиографы: библиограф. справ. М. : Либерия-Бибинформ, 2010. С. 108.
6. Пивоваров Е. Г. История русской книги в библиотеке Конгресса США / Е. Г. Пивоваров. СПб. : Нестор — История, 2013. 240 с.
7. Глазков М. Н. Научные исследования МБИ — МГБИ по библиотековедению и библиографии в 1930–1945 гг. // Библиография и книговедение. 2019. № 6. С. 91–98.
8. Культурное строительство в СССР. Л. : Ленпартиздат, 1933. 40 с.
9. Педагогический энциклопедический словарь. М. : Большая Рос. энцикл., 2003. 528 с.
10. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 1. М. : Большая Рос. энцикл., 1993. 608 с.
11. Культурное строительство СССР: (статист. сб.). М. ; Л. : Госпланиздат, 1940. 268 с.
12. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2 т. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 / Дж. Боффа. М. : Междунар. отношения, 1994. 628 с.
13. Высшее образование в СССР: статист. сб. М. : Госстатиздат, 1961. 255 с.
14. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах: статист. сб. М. : Госстатиздат, 1957. 370 с.
15. Миронов С. С. Некоторые аспекты экономического и политического развития СССР в 1930-е годы / С. С. Миронов. М. : [Б. и.], 1998. 55 с.
16. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939) / В. В. Кожин. М. : Алгоритм, 1999. 560 с.
17. Расходы на социально-культурные мероприятия по единому государственному бюджету СССР (союзному, республиканскому и местному) за первую и вторую пятилетки (1928/29–1937 гг.). М. : Госфиниздат, 1939. 64 с.
18. Глазков М. Н. Государственная библиотечная политика в Советской России (1925 — май 1941) : монография / М. Н. Глазков. М. : Пашков дом, 2016. 271 с.
19. Крупская Н. К. О библиотечном деле : сб. тр. в 6 т. Т. 4. М. : Книга; Книжная палата, 1985. С. 107–108.
20. Библиотечное дело в России (октябрь 1929 — май 1941): док. и материалы. Ч. 2 / [авт.-сост. М. Н. Глазков]. М. : Пашков дом, 2007. 352 с.
21. Глазков М. Н. Репрессированные советские библиотечно-библиографические деятели 1930–1941 гг.: учеб. пособие. М. : МГУКИ, 2014. 106 с.
22. Глазков М. Н. Обвинялся в шпионаже и терроризме... // Московский журнал. История государства российского. 2016. № 7. С. 70–75.
23. Баландин Р., Миронов С. «Клубок» вокруг Сталина. Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы / Р. Баландин, С. Миронов. М. : Вече, 2002. 384 с.
24. Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти / Ю. Н. Жуков. М.: Вагриус, 2008. 720 с.
25. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. / Ю. Н. Жуков. М.: Вагриус. 2003. 512 с.
26. Глазков М. Н. Покушение на И. В. Сталина в Кремлёвской библиотеке // Библиотечное дело — 2009: Традиции и инновации развития в информационном обществе: материалы четырнадцатой междунар. науч. конф. Ч. 2. М. : МГУКИ, 2009. С. 152–154.

Вышли в свет

Библиографические указатели
Научная библиотека Кубанского государственного университета (1920–2020 гг.): библиографический указатель :

к 100-летию со дня основания Кубанского государственного университета / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ... Информационно-библиогра-

фический отдел; М. А. Хуаде, Н. С. Протасова. — Краснодар: КубГУ, 2020 (Краснодар: Издательско-полиграфический центр КубГУ). — 51 с. — Алф. указ.: с. 44–50. — 100 экз.